

**M. Anne Overell (2019) Nicodemites: Faith and Concealment
between Italy and Tudor England. Brill, Leiden, the Netherlands.
P. xiv + 280. ISBN: 978-90-04-33166-2.
doi:10.1163/9789004331693.**

Семенова А. С. студентка кафедры Истории Церкви Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, ORCID: 0000-0002-3178-1319, e-mail: al.s.semenova25@gmail.com

Для цитирования: Семенова А. С. М. Anne Overell (2019) Nicodemites: Faith and Concealment between Italy and Tudor England. Brill, Leiden, the Netherlands. P. xiv + 280. ISBN: 978-90-04-33166-2. doi:10.1163/9789004331693. Обзор книги. *Российский журнал истории Церкви*. 2020;1(3):124-131. doi:10.15829/2686-973X-2020-3-39

**M. Anne Overell (2019) Nicodemites: Faith and Concealment
between Italy and Tudor England. Brill, Leiden, the Netherlands.
P. xiv + 280. ISBN: 978-90-04-33166-2.
doi:10.1163/9789004331693.**

Aleksandra S. Semenova, student of the Department of Church History of the Historical faculty of M. V. Lomonosov Moscow State University, ORCID: 0000-0002-3178-1319, e-mail: al.s.semenova25@gmail.com

For citation: Aleksandra S. Semenova. M. Anne Overell (2019) Nicodemites: Faith and Concealment between Italy and Tudor England. Brill, Leiden, the Netherlands. P. xiv + 280. ISBN: 978-90-04-33166-2. doi:10.1163/9789004331693. Review. *Russian Journal of Church History*. 2020;1(3):124-131. doi:10.15829/2686-973X-2020-3-39

Доктор Энн Оверелл — почетный научный сотрудник департамента теологии и религии Университета Дарема. Основной сферой ее научного интереса являются представители различных течений Реформации в XVI в. В своих работах она особенно подчеркивает идейную связь между католической Италией и протестантской Англией. Ее недавно изданная работа “Nicodemites: Faith and Concealment between Italy and Tudor England” посвящена тем, кто в силу неблагоприятных обстоятельств старался скрыть то, во что верил. Современники называли их “никодимитами”, по имени новозаветного Никодима, тайно пришедшего ко Христу ночью.

Само понятие “никодимизм” (точнее, его употребление) является крайне важным для понимания цели работы. Оверелл термин кажется неудачным, поскольку возникает парадокс: Никодим — персонаж положи-

Следует сделать замечание об оговоренных Оверелл терминах и особенностях их перевода. Для обозначения английских реформатов, чья деятельность приходится на период до 1550 г., она использовала термин “*evangelicals*”, для их итальянских современников с аналогичными взглядами употребляет “*protestants*” (поскольку в Италии того времени термин “*evangelicals*” оставался довольно противоречивым). Поскольку это специфическая авторская терминология, не до конца соответствующая общепринятой (так, термин “евангелики” относят в основном к более позднему течению в Англии XVII–XVIII вв.), во избежание путаницы представляется уместным употребить устоявшийся перевод конкретных английских слов: *protestants* — протестанты, *reformators* — реформары, *evangelicals* — евангелики.

тельный, а никодимиты — отрицательные. Тем не менее, отказываться от устоявшейся терминологии было бы неуместно, и в сложившихся обстоятельствах Оверелл во многом преследует цель изучить реальное поведение людей, а не только памфлетные образы тех, кто получил прозвище никодимита при жизни: автор говорит о том, что, возможно, явление никодимизма было более масштабным и разнообразным по степени вовлеченности, чем можно представить из свидетельств его критиков.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением разных проявлений никодимизма, фокусировались на локальных группах: французских протестантах, итальянских реформатах, английских евангеликах и католиках в правление королевы Елизаветы. Они дают представление об основных тактиках и моделях поведения никодимитов: те вводили в заблуждение власти, будто следуют предписаниям, но придерживались своих убеждений, которые хранили в секрете, и отрекались от них, когда попадали под следствие, после которого вновь возвращались к тому, во что верили.

Почти никто, подчеркивает автор, не пытался взглянуть поверх границ и рассмотреть связи между никодимитами различных регионов Европы, за исключением классической работы Карло Гинцбурга “Никодимизм” (“Il Nicodemismo”)¹, критикуемой за понимание никодимизма как согласованного общеевропейского движения. Несмотря на справедливую и убедительную критику, Энн Оверелл говорит о том, что не стоит игнорировать зерно истины в аргументах Гинцбурга. Нельзя говорить о некоем согласованном или общеевропейском движении, но схожие образы мысли и действия в разных регионах, которые передавались через тексты, определенно существовали.

В итало-английском контексте Оверелл находит крайне интересную параллель: итальянские *spirituali*² симпатизировали доктрине Мартина Лютера и жаждали дальнейшего воссоединения с реформатами, но при этом хотели остаться католиками. Уклонение от четкого выражения своих истинных взглядов и притворство, которыми характеризовались *spirituali*, имело место в Англии среди и католиков, и евангеликов, так же происходило из-за давления сверху и усугублялось страхом.

Книга начинается с пролога и делится на две большие части. Первая часть (“Lives”) рассказывает о судьбах некоторых никодимитов, вторая (“Texts”) — о важнейших для никодимизма текстах. В прологе разъясняются нюансы, связанные с исследуемым феноменом. Здесь Энн Оверелл делает большое количество оговорок к сформированному (антиникодимитской риторикой) образу никодимитов как подлых людей и к тому же притворщиков и лжецов. Автор описывает поведение никодимитов и их поступки как характерные для людей, постоянно испытывающих страх потерять близких, церковь, дом или собственную жизнь — под таким давлением они ждали изменения ситуации и в поисках душевного покоя и ут-

¹ Ginzburg, C. (1970). *Il Nicodemismo. Simulazione e dissimulazione religiosa nell'Europa del Cinquecento*, Torino, Giulio Einaudi.

² *Spirituali* — члены движения за реформу внутри Римско-католической церкви, существовавшего с 1530-х по 1560-е гг. В историографии термин не является часто употребляемым по отношению к этому движению, поскольку вызывает спорные ассоциации со спиритуалами XIV в.

шения принимали любые предписываемые на тот момент религиозные нормы. “Мы будем смотреть на действия, часто довольно обычные, клириков, гуманистов, реформатов, дворян и дипломатов — знакомых с этим внутренним маятником, колеблющимся между согласием и сдержанностью (accord and reserve), подчинением и несогласием (conformity and dissent)”.

Таким образом, важной частью исследования Энн Оверелл становится погружение в частные истории как людей, так и написанных ими текстов, совершаемое с целью разобраться, какое отношение они на самом деле имеют к никодимизму.

Первая часть начинается с главы “The Landscape of Holy Cunning”, в которой автор говорит о том, что обманщики (deceivers) в религиозном вопросе существовали задолго до того, как их стали называть никодимитами. Энн Оверелл приводит примеры подобного религиозного двуличия от вальденсов и лоллардов до *spirituali* и английских евангеликов. Особый интерес представляют замеченные ей параллели между последними двумя.

В Италии особенно ожесточенно велись споры вокруг доктрины “*sola fide*”, так как она ставила под удар институт Церкви, как организации с определенными функциями. Однако неопределенность в этом вопросе царилла довольно долго, что в конце концов привело к оформлению группы тех самых *spirituali*, надевавшихся на воссоединение с реформатами Германии и Швейцарии и одновременно возлагавших большие надежды на Тридентский собор. Но исход собора оказался совершенно иным³, и догматическая неопределенность рассеялась не сразу. В таких условиях *spirituali*, остававшимся в лоне Католической церкви, но симпатизировавшим к идеям Реформации, приходилось продолжать адаптироваться и маневрировать, часто — молчать и уклоняться, избегать декларации своих идей и тем более конфронтации со сформулированной позицией Церкви.

В Англии после церковной реформы Генриха VIII осталось много евангеликов, ею неудовлетворенных, но лишь некоторые из них решились бежать из страны, многие были арестованы, но большинство отсеклось от своих взглядов. Приход к власти королевы-католички Марии Тюдор привел многих людей в замешательство: они оказались не уверены, где правда и что правильно. К тому времени частая смена религиозных обстоятельств стала нормой для населения Англии, поэтому, по интерпретации Оверелл, столь реалистичной и благовидной казалась идея побыть никодимитом: ведь это вероятно ненадолго, скоро все снова изменится. По глубокой иронии, для возвращения Англии в лоно Католической церкви был выбран английский дворянин и один из главных итальянских *spirituali* кардинал Реджинальд Поул⁴.

Вторая глава “A Nursery of Nicodemism: The Circle of Reginald Pole in Italy” посвящена пребыванию кардинала в Италии и сформировавшемуся там кружку его единомышленников. Церковная реформа Генриха изначально воспринималась членами сообщества превратно, так как еще сохранялась

³ Изначально предполагалось, что на Соборе будут присутствовать протестанты и в результате диалога обеих стороны будет принято компромиссное решение. Однако диалог не состоялся, и Собором было отвергнуто протестантское вероучение, в том числе положение о спасении только верой.

⁴ Реджинальд Поул (1500-1558) — последний католический архиепископ Кентерберийский. Играл ведущую роль в попытке католической реставрации в правление Марии Тюдор.

надежда на разумное разделение между религиозными преобразованиями на государственном уровне и личными претензиями Генриха (и его разводом). Границы между тем, что теперь считалось католическим (религией Италии) и некатолическим (религией Англии), были крайне размыты. В этих условиях *spirituali* не видели иного выхода, кроме как выжидать и сбивать окружающих с толку (*deceive*) относительно своих истинных взглядов. Подобная тактика вызывала негативную реакцию у обеих сторон конфликта.

Третья глава книги (“*Pole’s Nicodemite Piety? Viterbo to England*”) описывает трансформации, которым подвергалась модель поведения кардинала Поула, когда он в правление Марии Тюдор должен был стать лидером католической реставрации в Англии и проводить жесткую политику в отношении некаатоликов. Более того, Поулу пришлось иметь дело с новоизбранным папой Павлом IV, относившимся к нему крайне неприязненно. Дело дошло до официального отзыва Поула, который предотвратила лично королева. В последние полтора года своей жизни Поул составил два противоречащих друг другу документа: свою апологию⁵, “в ясных словах” (*in clear words*) выражающую противление папе, и завещание, свидетельствовавшее о безоговорочном послушании.

Пьетро Ванни, английский дипломат, служивший четырем монархам, стал героем четвертой главы “*The Volte-Faces of Pietro Vanni*”. У дипломатов всегда была особая роль в сложных межконфессиональных ситуациях, поскольку это напрямую касалось не только их личного выбора, но и интересов государства, которое они представляли. Они должны были придерживаться (хотя бы внешне) той же веры, что и монархи, которых они представляли — их положение изначально подталкивало к никодимизму, а Ванни служил четырем разным режимам — Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии Католической и Елизаветы. Характерна показная театральность действий Ванни (например, он яростно оправдывал сожжение Кранмера⁶) при Марии Тюдор⁷. Это объясняется тем, что одновременно с ее приходом к власти, в Венецию хлынула новая (предыдущая была после начала реформы Генриха) волна английских эмигрантов, многие из которых подозревались в заговорах против королевы. В такой обстановке Ванни было необходимо, чтобы его верность королеве и собственные религиозные воззрения не подвергались сомнению. Когда к власти пришла Елизавета, он еще раз поменял взгляды.

⁵ Документ упоминается только как “апология” (*apologia*).

⁶ Томас Кранмер (1480-1556) — один из главных деятелей Реформации при Генрихе VIII и Эдуарде VI, архиепископ Кентерберийский. Руководил церковными преобразованиями, в том числе издал две Книги общих молитв, необходимых для богослужения согласно Акту о единообразии (1552). В правление Марии Тюдор был обвинен в государственной измене и приговорен к сожжению.

⁷ До воцарения Марии Тюдор Ванни состоял на службе у двух монархов-протестантов, при новой королеве ему было необходимо продемонстрировать верность Католической церкви. Задачу усложняли бежавшие из Англии в Италию (в том числе в ватчину Ванни, Венецию) приверженцы протестантских взглядов, и Ванни пытался недопустить, чтобы из-за них тень подозрений пала и на него. Иногда он чересчур серьезно воспринимал происходящее. Так, он запросил у венецианских властей разрешения на арест Уильяма Пейджа, который, по слухам, однажды сказал, что “готов убить королеву Марию”. Другие дипломаты говорили, что Ванни “раздул из мухи слона”, а венецианский посол при имперском дворе Маркантонио Дамула обсуждал с английским послом в Брюсселе сэром Джоном Мэйсоном чрезвычайное беспокойство Ванни по самым незначительным поводам.

За всем этим совершенно не ясны истинные воззрения Ванни, поскольку даже дипломаты, “просто делающие свою работу” (а таких было много), не бывали прежде замечены за чтением и рекомендацией реформаторских книг (вроде “*Il Beneficio di Cristo*”, “*De admirabili Dei Consilio*” Йоханеса Рива), за чем его застал во время своего визита Джироламо Донзелинни, итальянский врач, впоследствии признанный инквизицией еретиком и контакты с которым сами по себе являлись важным знаком. Даже резкость и карикатурность поведения Ванни в моменты, когда было необходимо развеять сомнения в конфессиональной принадлежности, рассматриваются Оверелл как свидетельство сильнее всего внутреннего напряжения искренне колеблющегося человека.

Главной фигурой пятой главы (“*Nicodemite’s Progress: Edward Courtenay*”), завершающей первую часть книги (“*Lives*”), стал Эдвард Куртене (или Кортни), 1-й граф Девонский. Он был заключен в тюрьму за участие своего отца в восстании и не выпущен даже по амнистии Эдуарда VI. На раннем этапе он был достаточно консервативен, чтобы иметь близкую дружбу со Стефаном Гардинером⁸.

После освобождения в правление Марии Тюдор и отъезда в Италию он много времени проводил в Ферраре, на тот момент — точке притяжения заговорщиков⁹. Куртене, сам имевший права на престол, прямым или косвенным образом был вовлечен в их дела, и, хотя, по мнению современных историков, заговоры против Марии имели чисто политическую мотивацию, Куртене в переписке рассуждал о них именно в религиозных понятиях. В письмах он называл Елизавету, на которой его хотели женить, еретичкой, но слишком часто оказывался в компании своих соотечественников, придерживавшихся протестантских взглядов. Религиозный вопрос имел для Куртене большое значение, но опыт пребывания в монаршей немилости научил его искусно подстраиваться под личность правителя, скрывая и маскируя то, что могло вызывать хотя бы малейшие подозрения.

Вторую часть книги, посвященную никодимитским текстам, открывает глава “*Il Beneficio di Cristo*” — о самой известной книге, написанной итальянскими *spirituali*. Книга содержала большое количество цитат из Хуана де Вальдеса¹⁰, Мартина Лютера, Жана Кальвина, Филиппа Меланхтона, что оказало решающее влияние на посыл книги — о спасении только верой. Двумя основными авторами считаются монах-бenedиктинец дон Бенедетто

⁸ Стефан Гардинер (1497-1555) — государственный и религиозный деятель, гуманист и ученый. Поддержал Акт о супрематии Генриха VIII, однако был противником церковных преобразований Эдуарда VI, за что был заклеен католиком-консервативом. При Марии стал лордом-канцлером Англии и принимал участие в рекатолизации.

⁹ Во время войны Священной Лиги Ферраре удалось победить папские войска в Равеннской битве (1512), однако борьба правящей династии д’Эсте с притязаниями Римской курии на Феррару продолжалась. Вместе с тем, герцоги д’Эсте вели профранцузскую политику (герцог Эрколе II был женат на дочери Людовика XII), Франция же после заключения брачного союза между королевой Марией и испанским королем Филиппом II была крайне заинтересована в свержении английской королевы.

¹⁰ Хуан де Вальдес (1509-1541) — испанский религиозный писатель и участник протестантско-реформаторского течения в Испании. После побега в Неаполь в 1531 г. организовал там кружок, участники собирались для обсуждения религиозных вопросов, в том числе возможности обновления Католической церкви.

из Мантуи¹¹ и Маркантонио Фламинио¹², член близкого круга Поула. Оверелл относит “*Il Beneficio*” к никодимитским текстам по причине того, что в тексте соседствует бенедиктинская теология и “голос Реформации”, которые плохо сочетаются и оставляют противоречивое впечатление. У Оверелл есть два объяснения этому: либо подобное несоответствие могло быть менее очевидным в то время, когда догматические границы еще формировались, либо бенедиктинский трактат с неприятным названием был удобным прикрытием для учения, пришедшего из Германии и Швейцарии.

Седьмая глава, “*The Case against Nicodemites*”, затрагивает тему антиникодимитской полемики, которая велась находящимися в итальянском изгнании. Характерной чертой итальянских антиникодимитских работ является фокус на отдельных личностях: они акцентировали внимание на изоляции, в которой якобы жили никодимиты; на их склонности к мыслям о самоубийстве; наконец, на проклятии, на которое те были обречены. Пьетро Паоло Верджерио¹³, написавший десятки памфлетов, особо внимание уделял Реджинальду Поулу, которого считал главным никодимитом Европы и чью карьеру стремился разрушить (в определенный момент эту эстафету у Верджерио принял папа Павел IV).

Но такая пропаганда вскоре потеряла популярность, так как грехи Поула и *spirituali* стали “вчерашними новостями” — во многом из-за того, что в это время на первый план вышли споры совсем другого плана: о преследованиях, о праве на противостояние правителям и о “справедливой” войне. Антиникодимитская полемика стала феноменом исключительно XVI в.

В следующей главе, “*Exploiting Francesco Spiera in Italy and in England*” рассказывается история Франческо Спьера¹⁴, которая будет жить в умах англичан в разных интерпретациях вплоть до XIX в. Спьера был лидером реформаторов в Читтаделле, там был пойман инквизицией и на суде отрекся от своих прежних убеждений. После этого он сильно страдал духовно, переживая глубокий кризис веры, что отразилось и на его здоровье: он тяжело заболел, был перевезен на лечение в Падую, где вскоре и умер.

Его трагическая смерть стала удобным инструментом в руках критиков никодимизма. Они понимали, что для Спьера есть два возможных исхода: вечные муки (*damnation*) или божественное милосердие (*divine mercy*). Теперь еще красочнее и живее можно было доказывать обреченность никодимитов.

¹¹ Бенедетто из Мантуи — бенедиктинский монах из монастыря на Сицилии, рядом с горой Этна. Написал черновик “*Il Beneficio*”, который передал на редактуру своему другу Маркантонио Фламинио, обладавшему великолепным слогом.

¹² Маркантонио Фламинио (1498-1550) — итальянский гуманист, поэт и переводчик Вальдеса на итальянский.

¹³ Пьетро Паоло Верджерио (1498-1565) — был епископом Каподистрии и папским легатом. Побывав по дипломатическим делам в Виттенберге, впечатлился личностью Лютера. После возвращения в Италию стал свидетелем духовного кризиса и смерти Франческо Спьера, под впечатлением чего принял евангелическую веру и уехал в Швейцарию, где стал пастором итальянской общины лютеран.

¹⁴ Франческо Спьера (1502-1548) — итальянский юрист из небольшого города Читтаделла, входившего в состав Венецианской республики. Под влиянием “*Il Beneficio di Cristo*” стал сомневаться в католическом вероучении (особенно, что касается Чистилища и поклонения святым).

Во времена Марии Тюдор протестантские лидеры использовали эту историю, чтобы убедить товарищей не отречься от их истинных взглядов: ведь согласно протестантской интерпретации, отречением Спьера обреч свою душу на вечные муки и, осознав непоправимость совершенной ошибки, мучился до конца жизни, сохраненной ценой отречения.

В девятой главе, “Counsel for Nicodemite Sinners: Vermigli, Curione and Cheke” речь идет о таком роде литературы, как “наставления для никодимитских грешников” (Counsel for Nicodemite Sinners) Англии эпохи королевы Марии, или для напуганных многочисленными казнями того времени протестантов. Оверелл берет за основу три работы: A Treatise of the Cohabitacyon of the Faithfull with the Unfaithfull (“Трактат о сожительстве верных с неверными”) Пьетро Мартире Вермильи, Excellent Admonition (“Прекрасное увещание”) Челио Секондо Курионе и “De Ecclesia” Джона Чека.

Вермильи считает никодимизм недопустимым ни в коей мере, как и взаимодействие с никодимитами, так как любое притворство и обман оставляют человека за пределом божественного милосердия.

Большая часть труда Курионе выдержана тоже в довольно строгом анти-никодимитском тоне, но в конце он советует “более слабым братьям” “не предпринимать ничего в спешке”, то есть выжидать, и касается темы божественного милосердия, оставляя, однако, неясными его границы.

Чек пишет, что есть те, о ком Бог знает, что они Его, но которые по обстоятельствам времени не могут раскрыть себя. Советом Чека было смиренное исповедание своей веры. Сам он дважды отрекался от своих убеждений, а, согласно Джону Фоксу¹⁵, на смертном одре раскаялся в своем отречении.

Документы, анализируемые в десятой главе (“Radical Texts for the Queen of Nicodemites”), посвящены Елизавете, но по сути глубоко отличались от елизаветинских порядков в Англии (которые полагались глубоко никодимитскими, поскольку требовали исключительно внешнего повиновения). Важнейшей идеей, освещенной в работах Джакомо Аконцио, Бернардо Окино и Франческо Пуччи, была бесполезность преследования за убеждения. Особенно ярко Аконцио в своих *Satanae stratagemata* рисовал картину мира, где никодимизм становился не нужен: еретики могли либо обратиться, либо молчать.

Все трое не замыкались на текущем положении дел в Англии или Италии, а доказывали необходимость глобальной перемены. Живя в Италии, где инквизиция едва ли могла относиться к еретикам терпимо, они возлагали свои надежды на елизаветинское государство, как им казалось, куда более склонное к компромиссам. Однако Аконцио, Окино и Пуччи шли впереди своего времени, а их работы так и не были переведены на английский в правление Елизаветы и остались выражением чаяний той прослойки итальянского общества, которая постоянно подвергалась опасности, исходящей от Католической церкви — либо из-за своей приверженности протестантизму, либо из-за симпатий к нему.

¹⁵ Джон Фокс (1517-1587) — английский историк и мартиролог, автор труда “Acts and Monuments”, также известного как “Книга мучеников Джона Фокса”, в котором описываются гонения Католической церкви на протестантов.

Одна из заключительных частей (одиннадцатая глава, “Mixed Messages in Elizabethan England”) рассказывает о неоднозначности и противоречивости в отдельных местах антиникодимитской риторики елизаветинского времени. С одной стороны, на словах (то есть, в печати) и католики, и протестанты декларировали бескомпромиссную нетерпимость: ни в коем случае ни при каких обстоятельствах нельзя склоняться к никодимизму. Но на практике и касательно некоторых конкретных ситуаций их позиция оказывалась не столь однозначной. Например, упомянутый Джон Фокс писал, что считает Реджинальда Поула “не таким уж чертовски жестоким папистом” (none of the bloody cruel sort of papists). А кардинал Уильям Аллен¹⁶, считавший, что внутренней веры, не подкрепленной делами, недостаточно, просил своих подопечных иезуитских миссионеров быть милостивым к тем, кто из одного лишь страха мог иногда посещать Церковь Англии и присутствовать на службах в ней. В елизаветинской никодимитской риторике и протестанты, и католики выступали с антиникодимитской риторикой, но и несовпадении тона публичного дискурса с реализацией на практике тоже было и у тех, и других.

Последняя, двенадцатая глава, “Echoes”, включает в себя эпилог и краткий обзор последующей судьбы некоторых рассмотренных текстов. Любопытно возвращение Оверелл к теме идейного обмена между Италией и Англией. В то время, как в Италии писали и переводили на английский никодимитские или антиникодимитские тексты, обратное происходило редко, поскольку Англия стала из-за частых религиозных изменений “лабораторией никодимизма в реальной жизни”: когда английские монархи и их “реформации” так быстро сменяли друг друга, их подданные регулярно оказывались в ситуации полной неопределенности, в которой было совершенно не ясно, что делать и на чьей стороне правда.

Исследование модели поведения людей, стремившихся скрыть свои истинные убеждения, представляется крайне сложным процессом. Отдельные факты, которые Оверелл представляет как свидетельство чьего-либо никодимизма, иногда вызывают сомнения, но развернутый контекст эпохи, в который она вписывает событие за событием, придает смысл собранным свидетельствам и цельности концепции исследователя.

Книга дает представление о том, как вели и чувствовали себя люди в век столь сильных и многочисленных религиозных потрясений, как менялась привычная религиозная парадигма, какие последствия для человеческих умов имела возникшая в середине века неопределенность и неясность, которая не могла быть разрешена сверху, официальной позицией Церкви или государства. Таким образом, монография Энн Оверелл может быть интересна всем, кто хотел бы глубже разобраться в религиозных противоречиях описываемой эпохи и вопросах, которые вставали перед людьми, оказавшимися между необходимостью подчиниться новому положению дел и внутренним несогласием с этими новшествами.

¹⁶ Уильям Аллен (1532-1594) — кардинал, занимавшийся учреждением колледжей в целях обучения английских священников для миссионерской деятельности в Англии.